

So many dumb ways to die.

Из песенки

День начинался удачно – с похорон.

Ожидая оповещения от такси, Константин, уже готовый к выходу, присел на разобранную постель. Вдавил на пульте первую кнопку. Вместо Первого канала она выдала ВВС. Из Австралии транслировали церемонию прощания с титулованным гольфистом. Насколько Константину позволял его английский, он разобрал, что чемпион обрел преждевременный покой на боевом посту: убит шариком для гольфа.

Собор был заполнен народом. Неприлично оживленная публика, одетая во все светлое и элегантное, обмахивалась чем-то похожим на программки. Австралийская жара, видимо, не боялась католических чертогов, а скорбящие – скорбеть, не скорбя. Прощальная речь о покойном время от времени в выверенных спикером местах, где он делал специальные паузы, награждалась дружным молодым смехом. Не исключено, что и сам усопший, единственный, кому там не было жарко, маскируясь в цветах и рюше, улыбался, весьма довольный крутой вечеринкой. «Красиво помер – радостно помянули», – резюмировал Константин.

Деловой день, по столичной манере утрамбованный встречами до самого предела, прошел в несуетливом городе в целом гладко. Не сложилась лишь одна сделка по поставке дальневосточных креветок.

Вечером Константин закинул в номер свой ноутбук, словно школьный портфель, и спустился в бар, где его уже ждал Григорий, коллега и верный товарищ. Бар был стилизован под баварскую пивнушку. По залу сновали с пенными кружками крепкие девушки в белых блузках с аппетитно открытой грудью. Когда напряжение трудного дня под «Пауланер» и жареные колбаски отпустило парней, Константин вспомнил про гольфиста и предложил помянуть. Подозвали официантку.

- Принесите нам, пожалуйста, графинчик шнапса.
- Мы графинами не подаем, извините. Только шотами, а из шнапса у нас – «Смирнов» и «Царская».
- Яволь, фройляйн, несите три «Смирновых» и сырны шарики. Битте.

На третью стопку приятели водрузили сырный шарик.

- За твою нелепую кончину, далекий друг! Не чокайся, Григорий!
- За Дарвина и его премию, Константин!

Заказали еще по стопке, потом, кажется, еще и не раз. Когда коммивояжеры собрались, обнявшись, исполнить дуэтом баварский йодль, бар, к счастью,

закрылся. Стопку с шариком приятели, конечно, не тронули.

Следующим утром, поддерживая друг друга, они направились на вокзал. Путь был близким, но трудным. Какая удача, что у них был первый вагон с хвоста!

Упали в кресла. Григорий отрубился сразу. Константин поискал ремни безопасности, не нашел, обругал себя Семен Семенычем и прикрыл глаза. Поезд тронулся.

Болела голова, сон не шел. Константин завистливо покосился на бесчувственного соседа.

Взгляд упал на коробочку с персональными надушками. На картонном конвертике с надписью «Счастливого пути!» был изображен несущийся в лоб локомотив. У него было подобие лица с открытым в бессильном отчаянии ртом, будто он летел к своей неминуемой гибели. Это они что? Комфортного путешествия так желают? Константину стало не по себе. С тех пор, как пустили «Сапсан», он отказался от перелетов этим маршрутом – побаивался коротких рейсов. И тут тебе такое напутствие, елки-палки!

Константин перевернул пакетик вверх ногами. Изображение обрело нормальный смысл. Идет себе мирно по рельсам самый обычный поезд без каких-либо мин трагических. Отлегло. Но все же какая шельма этот художник!

Притарахтела тележка с завтраком. Константин с интересом изучил порционную коробочку с надписью «Салат с гигантскими креветками». Потормошил соседа: «Гриш, ты глянь, что они называют гигантскими креветками!» Поддел пластмассовой вилкой одну доходягу, отправил в рот. Приятель не реагировал.

«Нет, ты скажи, как это называется!» – не унился Константин.

Гриша был из тех, кого лучше ограбить во сне, чем разбудить раньше времени. Он разлепил злой глаз, сфокусировал его на креветке и слишком явственно для дремлющего вагона предрек: «Этот сорт, Костян, называется “пенис гнома”. Съешь – и у тебя такой же будет!»

Константин поперхнулся, схватился за горло. Приятель весьма чувствительно и с удовольствием пару раз хватанул его по спине. Не помогло. Константин продолжал задыхаться, лицо его налилось багровым. Тогда друг выволок его в проход, обхватил сзади и стал резко и сильно сжимать кольцо рук в области солнечного сплетения. В подобных киношных сценах герой должен мощно выплюнуть застрявший в дыхательных путях предмет, но – не Константин. Странно, что уже в конвульсиях, не-

смотря на мутнеее сознание, он чувствовал еле уловимое, растущее изнутри удовольствие.

И в этот момент вагон на полном ходу накренился. Последовали жуткий скрежет, звон стекол, визг и чудесным образом перекрывающая всю эту какофонию хаоса, неизвестно откуда взявшаяся переличатая, горловая песнь альпийских пастухов.

Уже через полчаса новостные ленты выдали информацию о происшествии на 98-м километре Октябрьской железной дороги, где сошел с рельс скоростной состав. Пострадал последний вагон. К счастью, обошлось почти без жертв. Погиб мужчина тридцати четырех лет. Судебно-медицинская экспертиза определила причиной смерти асфиксию. В момент крушения несчастный подавился креветкой. Почему-то во всех сообщениях слово «креветка» было набрано капслоком.

В зале прощания номер три бывший коллега покойного готовился произнести речь. Душа Константина с ужасом перевернутого локомотива беззвучно взмолилась: «Гриша, гадина, только не про премию Дарвина!»

Друг нервно шевельнул непослушными кончиками пальцев, торчащими из гипса, как переваренные креветки. Пауза затягивалась. Казалось, что оратор ведет какой-то непростой внутренний диалог. Наконец, он с трудом разомкнул рот и красивым женским голосом объявил:

– Наш поезд прибыл в город-герой Москву! Просим не забывать свои вещи в вагонах.

